

Поэтические встречи

К юбилею поэта

Владимир ЯРЦЕВ

Стихи разных лет. Избранное

Век XX

Тележка

Ползёт потихоньку тележка,
Скрипит помаленечку ось.
Какая там, господи, спешка!
Колёса разлазятся врозь.

Шажками неспешными двое
Повозку влекут за собой:
Она с головою седую
И с пепельной он головой.

Везут полегоньку тележку
(А третья в упряжке – судьба),
Лежат в кузовке вперемешку
Стул сломанный, доски, щепя.

Снег выпавший вдруг не растает,
Зима не на шутку легла...
О, как им тепла не хватает!
О, как не хватает тепла!

Они – из Элизы Ожешко?
Из тронутых временем книг?
Бесцветное небо, тележка.
Позёмка, старуха, старики...

Живущий одною минутой,
Не бойся нахлынувших слёз.
А кто же с тобою твой лютый,
Смертельный разделит мороз?

Ярцев Владимир Иванович. Родился 8 октября 1945 года на Алтае – в селе Пильно-Старобардинского (ныне Красногорского) района в семье служащих. Окончил Новосибирский государственный педагогический институт, историко-филологический факультет. Преподавал историю в сельской школе. Работал газетным корреспондентом, литературным редактором книжного издательства. До последнего времени – возглавлял информационно-издательский отдел Новосибирского юридического института (филиала) ТГУ.

Публиковался в журналах «Юность» (№1 за 1980 год), «Сибирские огни», «Алтай», альманахе «Мангазeya», других периодических изданиях. Автор книг «Двое» (в коллективном сборнике «Гнездо поэтов», 1987 год), «Грустная память» (1992 год), «Над темной водой» (2005 год), «Ожидание в сумерках» (2014). Лауреат премии журнала «Дети Ра». 2007 года. Участник поэтических антологий, выпущенных издательством «Вече», «Русская поэзия. XXI век», 2010; «Ты припомни, Россия, как все это было!...», 2013. Член Союза писателей России.

Икона

Отпевали бабушку. Прицерковный парк
 Был заснеженным. Не каркало воронье.
 Завещала старая свой нехитрый скарб
 По игле-платку всем, кто знал её.

А икону главную – никому в родне,
 И товаров милостью обошла.
 А икону главную – завещала мне,
 Забудыге, грешнику... Вот дела.

«В жизни ты один, как осенний лист,
 Ветер дунул – по свету полетел.
 Ты иконке той, не стыдись, – молись,
 Чтобы светлым был дальний твой
 предел».

Чёрной краской поверху имена троих
 С указанием занимаемых должностей.
 Лишь разок взглянуть – и запомнить их:
 «Св. Ц. Елена», «Св. Пр. Пётр»,
 «Св. Бл. Андрей».

Помутнела киноварь. Золото отцвело.
 И кресты осыпались на груди.
 В глухомани ветхое отыщи село –
 Образов таких там хоть пруд пруди.

Для болящих душ, для скорбящих глаз,
 Для нуждой придавленных деревень
 Малевал их сотнями богомаз,
 Беспробудно путая ночь и день.

У иконы бабушкиной неприглядный вид,
 Не прельстится ей даже «Вторсырьё».
 Я не верю, что она меня сохранит.
 Знаю только: я сохраню её.

* * *

Нас чуткости учат утраты.
 Доподлинно знаю теперь:
 Чужому поможет, как брату,
 Хлебнувший из чаши потерь.

Чудовищней нет опоздания,
 Когда открывается вдруг:
 Созрело твоё сострадание,
 Но только могилы вокруг.

* * *

Кладбище сразу за дачным посёлком
 Служит приютом и мёртвым и ёлкам.

Древний как мир, невесёлый порядок –
 Ветхость крестов, кособокость оградок.

Здешний же сторож, хотя и старик,
 Думать о смерти пока не привык.

Он, презирая свои костыли,
 Копит на лодку с мотором рубли.

В лодку с собою посадит щенка,
 И навсегда унесёт их река.

* * *

Что ни день – холоднее на градус,
 На полградуса. Глядь, и снега...
 А давно ли безумствовал август,
 Молоком заливая луга?

Щедрым был. За подарком подарок:
 Ягод горстка, в тетрадке строка.
 Польшали в безмолвных пожарах
 По ночам за рекой облака.

Отшумели кочевья крылами,
 Отпалили охотники влёт,
 И холодное небо над нами
 Ни слезинки уже не прольёт.

У природы в лице – ни кровинки,
 Лес опавший да иней ночной,
 Да прощальный полёт паутинки
 В лунном свете над спящей страной.

* * *

Как славно цветёт сирень!
 Какой неподкупный год!
 Уже убывает день,
 Июль, а она цветёт.

Свежо в саду по утрам,
 Туман августовский густ –
 Роскошествует, упряма,
 Венгерской сирени куст.

– О сад, поставщик депеш,
 Сад по ветру листопад!
 Подавлен ли тот мятеж?
 – О нет! – отвечает сад.

Трескучие холода
 Сшибают птиц на лету.
 Озябла в небе звезда.
 Сирень не в снегу – в цвету!

И сколько царствовать ей,
 Подвластной не быть зиме, –
 От двух зависит людей,
 От двух людей на земле.

* * *

Как сумрачно на лестничной площадке!
 Как боязно! Как поцелуи сладки!
 Как гулко надвигаются шаги,
 Оттуда, сверху – ниже, ниже, ниже...
 Мы замерли в какой-то полунише,
 И страшно мне, и не отнять руки
 От девичьей доверчивой перчатки
 В семнадцать лет на лестничной
 площадке.

И вот повтор. Свершился некий круг.
 Я с женщиной чужою у подъезда
 Чужого дома очутился вдруг,
 А знаю, что не время и не место.
 Укрыться перед скорою грозой
 Нам нужно где-то с женщиной чужой.

И мы вошли. И встали у окна.
 Зловещая какая тишина!
 И сумрачно – как много лет назад,
 И руки – на плечах её лежат,
 И – до невероятности тихи! –
 Оттуда, сверху, лёгкие шаги.

* * *

Ненастное небо беззвёздно.
 Случайные звёзды – не в счёт.
 Рассвет, наступающий поздно,
 Разлуку тебе принесёт.

Она не заплачет, не вскрикнет,
 Не кинется в нервную дрожь,
 Но молча всем телом прикиннет,
 А ты – ничего не поймёшь.

Лишь лет через двадцать заметишь
 Мольбу в предрассветных глазах.
 И в ужасе шаг свой замедлишь.
 И в жарких проснёшься слезах.

Воспоминание о детстве

Всю ночь переключались ставни
 На тарабарском языке.
 Всю ночь металась птичья стаи
 И били крыльями в тоске.

И ветры хлопали железом,
 Дождём швыряясь птицам вслед,
 И далеко, за Чёрным лесом,
 В оврагах прятался рассвет.

Тревогою не беспричинной
 Я в эту ночь охвачен был:
 Наш дом, как парусник старинный,
 Скрипел, раскачивался, плыл.

Дом плыл! И, страх преодолевая,
 Я вышел всё же на крыльцо.
 Стихия – грубая, тугая! –
 В моё ударила лицо.

Как надрывались чьи-то трубы!
 Как с неба рушилась вода!
 Как твёрдо знал я, стиснув зубы,
 Что буду вечно жить, всегда...

* * *

Ах, обида! Такая обида!
 Только – жаловаться не с руки.
 Всё забыто? И пусть всё забыто.
 Поселюсь у широкой реки.

Там, в лесу, буду жить постоянно,
 Одиночества ссучивать нить.
 И всего-то нужна мне лесная поляна,
 Чтобы сеном лосёнка кормить.

Будет дом у меня с жаркой печью,
 Полной медленного огня,
 Будет лодка с отчаянной течью
 И – не будет ружья у меня.

А за то, что мне сладко и люблю
 Жить и что не приходит тоска,
 Буду брать по бревну с лесоруба
 И по рыбине брать с рыбака.

* * *

Девушка с ключиком на груди,
 С мыслями грешными на уме,
 Явно предназначенная не мне,
 Ты уж помедленнее проходи.

Девушка с ключиком золотым,
 Что угодно им отпирай,
 Кроме, конечно, калитки в рай –
 Рано в те места молодым.

Девушка с ключиком на груди
 Замедляет зачем-то шаг...
 Ты уж, пожалуйста, проходи.
 Ничего, хорошо и так.

* * *

Над луговым кустарником взовьётся,
 Над озером опишет полукруг
 И вытянется с севера на юг...

И сердце дрогнет: хватит с нас разлук,
 Довольно той, что вечно зовётся.

Век XXI

* * *

Честные спят сторожа.
Чуткие бдят егеря.
Встанет моя госпожа –
И устыдится заря.

На взеземном чертеже
Горестей знаки внахлѣст.
Зябко моей госпоже
Под укоризною звѣзд.

Рань луговая свежа.
Бьют вдоль тропинки ключи.
– Слышишь, моя госпожа?
– Тсс... – отвечает, – молчи.

Не по земному легка
Поступь моей госпожи.
Ночь эта длится века,
Но и словца не скажи.

С нею – в любом падеже
Соподчинения нет.
Зябко моей госпоже.
Не наступает рассвет.

* * *

Я, сотканный из множества влияний,
Всегда чурался щедрых подаяний,
Но искреннюю милостыню брал.

Я тем горжусь, что родовое древо
Мое кренится откровенно влево
И надо мной не прозвучит хорал.

Как всякий домовый и разночинец,
Я не терплю ломбардов и гостиниц.
Из всех родных – есть у меня сестра.

Есть младшая сестра. А это значит,
Не кто-нибудь, – она меня оплачет,
Когда повозку тронут со двора.

* * *

Присягну и апрелю, и маю,
Январю – и тому поклонюсь.
... Как зовут её, право, не знаю –
То ли гроздь, то ли горсть, то ли грусть.
То дарит она щедрой лозою,
То сама по шепотке берѣт.
... Этой милости, право, не стою
Перед нею, с бровями вразлѣт.

Умираю у стен Карфагена.
Нелегко у истории красть.
... А она и нежна, и надменна,
И корыстна, как всякая власть.

Варакушка

Выщелки, журчания, колена...
В ночь моё растворено окно.
...Спит старик блаженным сном
младенца.

Песня спета. Выпито вино.

Чепугачев, стойкий кумандинец,
Не во сне к чувалу прикорнул –
Покупает правнуку гостинец,
Посещает город Барнаул.

Как меня узнал: («живой, Волочка?»),
Сам не помня, сколько ему лет?
Держит потемневшая цепочка
Костяной на шее амулет.

Череда мгновений быстротечных,
Плеск воды, пупырчатый озноб...
Одинокий, в зарослях заречных,
Щѣлкает варакушка взахлѣб.

Жизнь прошла, ни шатко и ни валко,
По песку да гальке, босиком.
Встретила в пути провинциалка,
Слабым зацепила хоботком.

Не гнала – однако ж не держала,
Пригубляла – и пила до дна.
Рушилась великая держава,
Гибнущая так же, как она.

Спит тихонько, тощий зад отключив,
Спит, беседы не прияв пустой,
Стойкий кумандинец Чепугачев,
Земляка пустивший на постой.

Как-то всё нелепо и беспутно.
Свежестью повеяло в окно.
... Думать о тебе ежеминутно
Никому на свете не дано.

Возвращение домой

И вечности не хватит – разобраться,
Не созданы ль мы только для того,
Чтоб между звѣзд засеивать
пространства,
В слепое обратившись вещество.

Когда, какой вселенский канонир
Швырнул миры, как шарики картечи,
И, с недолётом, – наш непрочный мир?
Потомков жаль. Им не избежать встречи

С грядущей катастрофой.
...Астроном –
Уездный, краеведческого толка,
Вещал об этом упоённо-долго.
Я виду не показывал при нём,
Но вам скажу: я космоса боюсь
И в этом честно признаюсь.

Я удостоен участи смертельной, –
Бездонна мировая полынья,
Наполненная стужей запредельной
И протоплазмой адского огня.

Я в ней не вижу ни добра, ни зла,
Ни повода, чтоб заказать молебен.
Какой бы сущность бездны ни была,
Она близка мне, я же ей – враждебен.

Но хватит о беспочвенно-пустом,
Оставим наши страхи на потом,
Когда дохнёт действительно палёным
И пропасть станет явственно видна.
... Я астронома обозвал муфлоном,
А он съязвил: мол, слышу от овна.

Несомый утомительным трамваем,
Под аритмичный перестук колёс,
Я обнаружил: мир неузнаваем –
Шёл дождь, и люди не скрывали слёз.

Запах морковника

Опускаются сумерки. Душно и пыльно.
Щёлкнул бич, и лениво вдоль улицы
стадо прошло.
Час-другой, и заснёт утомлённое Пильно.
В Императорском атласе значилось
это село.

Уцелевших домов, чем замшелых
развалин,
Здесь едва ли не меньше. Впотьмах они
еле видны.
Поскорей бы пролился, пуская и печален,
Зыбкий свет неизвестно куда
запропавшей луны.

Бытие с забытьём так легко перепутать!
И, хотя над селом сладострастно
висит духота, –
Не пришлось бы в платок плечи
зябкие кутать,

Да согреешь ли душу... Трепещет душа
непроста.

Не ищи, всё равно не найдётся виновник.
Что ушло безвозвратно – ой, нет! –
не быльём поросло.

Но травой с безобидным названьем
«морковник»,
Сладкий запах которой укутал
родное село.

* * *

В каком-нибудь листке посмертно тиснут,
И станешь знаменитым наконец.
И безразлично, кто убийца, – висмут
Или стоящий рядышком свинец.

Теперь другим свобода – пустомелить
И стыть, и кланчить, и плодить тщету...
... Щёлк пальцами – и
рукоплещет челядь,
И стелется, и ловит на лету.

Dryas

Там, где сомкнулись даль и высь,
Есть перспектива грозовая...
Не скаредничай, поделись
Хоть чем, подружка стволовая.

Мы обойдемся без чудес,
Голь на диковинки не чутка —
Впусти меня в дремотный лес,
Нависший на краю рассудка.

Я ни на что не посягну,
Ветвей мифических не трону —
Лишь исподлобья всколыхну
Одну-единственную крону.

Сведи меня — сквозь птичий гам,
Под иволгину кантилену —
По серебристым мягким мхам,
Лишь ты которым знаешь цену,

По таволге, точащей сок,
К истокам бытия, в долину,
Чтоб я размять в ладони смог
Доисторическую глину.

Яви, как можешь только ты,
Насквозь обыденные вещи.
Избавь меня от слепоты.
Ясней! Отчетливее! Резче!

Где в обмороке озерцо,
Как зеркальце в грибной корзине,
Любимой светлое лицо
В холодной глади отрази мне.

...В том сундучке заветном, там
На дне, хоть что-то да осталось?
Так подели же эту малость,
Как пряник в детстве, — пополам.

* * *

Говори, Григола, говори,
Честно лги, сбивай меня с пути.
Только ничего не повтори —
И отдам что сомкнуто в горсти.

Ни за что, гадалка, я плачу —
Вижу сам, что ляжет впереди.
Ты попала в руки трюкачу,
Ты, пока не поздно, уходи.

Длань мою ключом не разомкнешь.
Сарафанной ложью не прельщусь.
Огонь напустишь — разразится дождь.
Хлябь разверзнешь — воцарится сушь.

На, возьми за твой постыдный труд,
Не понять, смугла или грязна...
Не припомнишь, как меня зовут?
Жуткие бывают имена.

Стансы

Безмолвию я предпочту молчанье,
Прохладе горней — дольний холодок.
...Вас время оправдает, угличане,
Но мир не станет менее жесток.

Жизнь сузилась. Сквозь смотровую щель
Доступен лишь сегмент июльской воли,
Где первобытный освящает шмель
Не минное, но клеверное поле.

Далекие клубятся облака.
Их глубину зарница прорицает.
Дитя не спит. И матери рука
Звездой на лбу младенческом мерцает.

Ничем печали этой не унять.
Беззвучен миг прощания со Словом.
Да! — не забудьте плакальщиц нанять
В сиреневом, под цвет грозы,
в лиловом...

* * *

Из невинной вкрадчивой поэмки,
Змейкою ползущей по земле,
Выйдет Лихо. Оборвав постромки,
Пристяжная пропадет во мгле.

Прянет коренной, ступать не в силах.
Кое-как гнедого распрягу.
Чуя кровь, пылающую в жилах,
Рядом с ним прилягу на снегу.

Конь заржет, пожалуется тихо,
И небожно в грудь войдет игла,
Прежде чем нешуточное Лихо
Нас лишит последнего тепла.

* * *

Перед тем как уйти,
Запотевшие стекла протру —
Поутру ощути
Переменного света игру.

Выйди в страждущий сад
И к дичку невзначай прикоснись,
Как слепец, наугад, —
И смутится небесная высь.

Ближе к полдню, гляди,
Заморожена голубизна...
Тесно станет в груди.
Так бывает во все времена.

Древний, как мезозой,
Цепенеет над яблоней зной.
...Перед скорой грозой
Воздух плавится не надо мной.

* * *

Господи, я Тебя отрицал,
Да и теперь не верую.
Только — кто же в выси мерцал
В сумерках над галерою?

Сукровицу сжимаю в горсти.
Прыгают за борт воины.
Не суждено, увы, догрести —
Бездны, а не пробоины.

Стыдно обращаться к Тебе
И отвлекать на мелочи.
Крепко я прикован к скобе...

Где ты, Лоренцо Медичи?

* * *

Народ, который вымирает,
С невозмутимостью взирает,
Как всё идёт наоборот –
На собственный круговорот.

Народ, который вымирает,
Украдкой слёзы вытирает.
Слёз – море, да платочек мал,
А впереди девятый вал.

Народ, который вымирает,
Меж тем и этим выбирает.
Тот сатана, а этот бес...
Очнись, окончивший ликбез!

Народ, который вымирает,
Страницу с корнем выдирает
Из вечной книги Бытия.
Ну что же! Бог ему судья.

* * *

Эх! Взашей из жизни вытолкан,
Хлыщ, добредший до седин...
... Дом сгорел. Крыжовник вытопан.
Не успел родиться сын.

Исповедовал язычество,
Мнил, что вышел из огня.
Вместо класса – ученичество.
Вместо жизни – беготня.

Всё толпа, в толпе, а вспомнится
Не людская толчея:
Одинокая бессонница –
Половчанка Асия.
И уста полуоткрытые,
И ворсинка на щеке...

... Но стихи такие сытые
Ты слагал о нищете.
Да и тех-то – горстка, книжица,
В строчку сшитая тетрадь.
И не должно, братец, пыжиться.
Неохота умирать.

* * *

Шмель, слетевший с рекламы «Билайна»,
Утолит желтизну в черноте.
Крановщица! Ни вира, ни майна
Не спасают. Ни эти, ни те.

Воскресает зверек землеройка,
Котлован зарастает травой.
Крановщица, зачем эта стройка
И стрела над моей головой?

Прорицатели сядут в галошу,
Ну а лучше бы — сразу в тюрьму.
Опускай неподъемную ношу,
Я холодные стропы приму.

* * *

В тех краях, где эфир прозрачен,
Черен хлеб, ключевая вода чиста,
Кто бы пастырем ни был назначен, —
Не для молитвы отворены уста.

Там поленицу почитают как вид
искусства
И на дверь не навешивают замок,
И карманы честны, и в них не густо,
Что владельцам их невдомёк.

В тех краях, от папоротников рябые,
Ждать не ждут, когда придут топоры,
Вековые, тянущиеся вдоль Бии,
По-научному — ленточные, боры.

Много лет прошло, как оттуда
Я сбежал. Могилы матери и отца
В тех краях. И уже не свершится чудо.
Не хочу сохранять лица,

Но хочу, чтобы в корне переименован
Был удел обреченных на вырубку
и разор,
В тех краях, где эфир прозрачен
И вода чиста сих пор.

* * *

Эх, колючая стерня,
Сжатые поля.
Скоро примет и меня
Матушка-земля.

А со мной — прервётся род.
Под грачиный грай
Память — вальс или фокстрот —
От безмолвия умрёт.
Ты — не умирай!

Хоть и не было любви, —
Шёл я по стерне, —
Ты, пожалуйста, живи,
Помни обо мне.

* * *

В старом парке цветет волчье лыко,
Ни беседок, ни светлых аллей.
Ну откуда взялась ты, улыбка,
Беспощадная, словно улика, —
Для тебя! — господин дуралей?

Ну откуда и нежность, и жалость
Меж чубушников в парке пустом?
И она ничего не боялась,
Эта девушка, — шла и смеялась,
И глаза прикрывала зонтом...

* * *

Уже который год
Ищу забытый вход
В полузабытый дом.
Ищу калитку в сад,
Где много лет назад
Я бегал босиком.
Всё кажется: вот-вот,
Ещё чуть-чуть, почти,
Ищу который год —
И не могу найти.

Но! Прошлое во мне,
Внутри, а не вовне
Со светлым потолком
В квартирной полумгле,
Со ржицей-васильком
В стакане на столе,
С окном, раскрытым в сад,
И запахами трав.
Но в scarлатине брат,
Босяк по кличке Граф —
И женская рука
На детском лбу лежит:
Всё хорошо, пока
Вечерний сад жужжит.

Но в сумерках вползёт
Беда сквозь щель в стене.
И доктор не придёт.
И брат умрёт во сне.
